

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Памяти Ф. М. Достоевскаго.

Около восьми мѣсяцевъ тому назадъ мы уведомляли своихъ читателей о тѣхъ небывалыхъ почестяхъ, которыя на одномъ изъ торжественныхъ собраній по случаю открытія памятника нашему Отечественному поэту Пушкину, были оказаны Ф. М. Достоевскому. И вотъ этотъ-то достойнѣйшій представитель русской литературы 28 января, въ девятомъ часу вечера, скончался отъ болѣзни легкихъ. Въ 1846 году, пишетъ „Голосъ“, когда поступилъ въ продажу издавній Н. А. Некрасовымъ „Петербургскій Сборникъ“, публика впервые услышала имя Достоевскаго, подпись котораго скромно стояла подъ повѣстью „Бѣдные люди“. Эта повѣсть читалась всѣми и прочель ее въ Блинскій и тогда же высоко оцѣнили ея автора. Авторомъ повѣсти оказался юноша 24-хъ лѣтъ, а только что окончившій курсъ въ инженерномъ училищѣ. Спустя пять лѣтъ, въ 1849 году, о Достоевскомъ опять заговорили, но уже по поводу замѣшаннаго въ дѣло Петрашевскаго, да Ф. М. Достоевскій были сосланы въ каторжныя работы на четыре года, а потому составленъ въ Сибири рядовымъ. Только спустя 11 лѣтъ, въ 1860 году, онъ снова явился въ Петербургъ и снова заставилъ говорить о себѣ во всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ кружкахъ, читавшихъ и перечитывавшихъ его романъ „Униженные и оскорбленные“. Какъ первое его появленіе было отмѣчено въ Блинскомъ, такъ второе — Добролюбовымъ. Спустя годъ, появились „Записки изъ мертвѣго дома“, и впервые познакомили русское общество съ каторжно-острожнымъ міромъ. Съ тѣхъ споръ, во теченіи почти 20-ти лѣтъ, Ф. М. Достоевскій, съ каждымъ новымъ произведеніемъ, только упрочивалъ свое значеніе въ литературѣ, даря ее такими произведеніями, какъ „Преступленіе и наказаніе“ (1866 года), „Идиотъ“ (1868 г.), „Бѣсы“ (1873 г.) и „Подростокъ“ (1875 г.), „Братья Карамазовы“ (1879 года).

Этими капитальными произведеніями не исчерпывается литературная дѣятельность Достоевскаго. Его мелкія повѣсти, написанныя до ссылки — „Двойникъ“, „Прохарчинъ“, „Поляшкинъ“, „Хозяйка“ и „Нечотка Незванова“ (всѣ напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“), въ крѣпости — „Маленькій Герой“, въ ссылкѣ — „Дядюшкинъ сонъ“, „Село Степанчиково“, а и по возвращеніи изъ Сибири — „Врѣкодиль“, „Скверный анекдотъ“, „Записки изъ подполья“ и др., все отлѣчено тѣмъ же здоровымъ психологическимъ анализомъ, оригинальнымъ взглядомъ на жизнь, которыми написаны остальныя таланливо, какъ въ него большія произведенія. Въ 1846 году, послѣ „Толка“, „Плещина“ и „Дядюшкина Сонъ“, М. Достоевскій былъ редакторомъ въ трехъ изданіяхъ „Времени“, а позже „Эпохи“ и „Дневника Писателя“, а и въ шпато, а по словамъ „Новостей“, „необыкновенный талантъ, въ то время рано умеръ великій труженникъ родной литературы. Ему было всего 38 лѣтъ. О немъ нельзя сказать, что онъ свершилъ въ предѣлахъ земныхъ всевозможное“. Онъ свершилъ много, но не все, от него зарылось въ землю талантливый Вога талантъ, а и много образовъ и идей, надъ которыми онъ задумывался, а никогда уже не воплотятся въ тѣ литературныя формы, а которыя по лѣте опредѣлили бы его, какъ писателя и вождя вроди О ля глек-овот. По поводу кончины О. М. Достоевскаго, въ „Нов. Вр.“, напечатано жалѣющую и сочувственную замѣтку: „Завѣя въ идею о тити и вид, Сегодня, не стало Достоевскаго, твискреннѣйшаго и пр. благо-роднѣйшаго и служителя правды. Онъ угасть въ тѣри дѣянугасъ въ цвѣтѣ таланта, до въ цолномъ разцвѣтѣ надеждъ она дала въ и полную дѣятельность, а и на борьбу, а и на защиту дорогихъ правъ русскаго, а и челоѣка. Это огромная потеря, а потеря не для родной литературы, а и для всякаго русскаго челоѣка, а и для всякаго, а и многого, а и оставалась въ душѣ, а и хоты капля искренности, а и для всякаго, а и челоѣка, а и сердце страдало, а и чей разумъ волновался, а и сомнѣніямъ, а и кто горѣлъ, а и хоты минуто любовью къ истинѣ и ближнему. (вдог 3331)“ а и въ вави (вдог, Онъ угасть незамѣтно. Угасъ на своей бѣдной квартиркѣ,

дорогу къ которой такъ хороше знала она на молодости, въ эти молодые силы, которые яумѣютъ любить прежде всего маловѣжьи и его чистую, благородную душу. И Любить! И любить не только, а не клоняться этой мнстой, эмного страдающей и незнаний души, ждать отъ него разрѣшенія въ вопросахъ жизни, въ сомнѣніяхъ и буряхъ молодыхъ, кипящихъ силами. Умеръ не только писатель, умеръ учитель, умеръ благородный человекъ, достойный самыхъ искреннихъ слезъ.

Въ понедѣльникъ онъ заболѣлъ. Порвались артеріи въ легкихъ и открылось кровотеченіе горломъ. Болѣзнь не опасная для организма болѣе крѣпкого и менѣ нервнаго. Первые приступы болѣзни были тяжки, но съ помощью врачей, по видимому, подавала надежду на выздоровленіе. Вчера ему было гораздо лучше. Онъ исповѣдался и причастился. Весь день было веселье и спокойствіе, шутилъ, говорилъ о будущихъ своихъ работахъ, говорилъ о своихъ дѣлѣхъ, успокаивалъ окружающихъ. Чего вы меня отбываете? Я еще вѣсть переживу. А смерть ужъ сторожила. Сегодня онъ сдѣлался шрвоженъ, и беспокоился всякой малостью, кровотеченіе горломъ снова началось и продолжалось въ сколько часовъ. Онъ слабѣлъ и слабѣлъ отъ потери крови и тихо угасъ. Но онъ жить хотѣлъ. Ему такъ ярко улыбнулось общественное сочувствіе, прошлымъ летом, такъ оживило его и обрадовало. Общество, читающій міръ полюбилъ его и увѣнчало своей искренней благодарностью, и слезами восторга и умиленія. И матеріально онъ сталъ поправляться. Тяжелый литературный трудъ, наконецъ, сталъ давать ему въ некоторый достатокъ. Жизнь, полная страданій, тиюность, прерванная каторгой, зрѣлый возрастъ, проведенный въ нуждѣ и борьбѣ съ нею, въ борьбѣ съ тяжкимъ недугомъ — падучей болѣзью, въ борьбѣ за свои мнѣнія, за святую правду, за права русскаго человѣка и, наконецъ, эта прилижавшая старость, полная зрѣлаго ума, глубокой мысли, горячихъ словъ утѣшенія и любви, самой высокой и чистой любви къ ближнему — такова жизнь этого человѣка. Что онъ перенесъ

и выстрадалъ—то кровью своей онъ написалъ въ своихъ сочиненіяхъ, олицетворилъ въ своихъ герояхъ, въ своихъ страдальцахъ.

Онъ не льстилъ никому. Но онъ былъ человѣкъ и зналъ человѣка, понималъ человѣческое сердце и цѣнилъ его благородные порывы... Не спокойнымъ, объективнымъ художникомъ былъ онъ, а страдающимъ, нервнымъ, увлекающимся художникомъ, страстнымъ проповѣдникомъ правды и защитникомъ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Надъ его прахомъ прольются искреннія слезы; но памятникъ онъ воздвигъ себѣ въ сердцахъ и благородные современники не забудутъ его могилы.

И дѣйствительно, какъ только разнеслась вѣсть о кончинѣ Федора Михайловича, память его сбѣжали достойнымъ образомъ почтить всѣ, кому только было извѣстно его имя. Люди всехъ сословій шли и подѣзжали къ тому домику, въ которомъ онъ жилъ. Тутъ были и высокооставленные лица, и свѣтскія дамы, — все стремилось пробиться сквозь сплошную толпу. Упомянемъ о томъ; — говорить въ Нов. Вр. — что великій князь Дмитрій Константиновичъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые приходили поклониться праху почившаго писателя. На первой панихидѣ въ числѣ присутствовавшихъ былъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Шобѣдоносцевъ. Вечеромъ вокругъ гроба были группы дѣтей съ букетами цвѣтовъ и они одѣляли всякаго цвѣткомъ на память. Это были трогательныя, умилительныя сцены! Въ гробу вечеромъ нашли пакетъ со вложенными въ него двумя рублями; на пакетѣ было написано: „въ пользу голодающихъ на память о рабѣ Вожиѣмъ Федорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ, а радѣтель бѣдныхъ и угнетенныхъ отъ небогатаго“.

Несмотря на эти толпы въ маленькихъ комнаткахъ и высокую температуру ихъ, Ф. М. лежалъ какъ живой, среди зелени, вѣнковъ и цвѣтовъ, безъ всякихъ признаковъ тлетворнаго духа.

Затѣмъ, какъ на выраженіе высокаго уваженія къ памяти усопшаго великаго поэта, должно указать на тотъ фактъ, что

Его Величество Государь Императоръ соизволилъ пожаловать вдовѣ покойнаго Федора Михайловича пожизненную пенсію въ размѣрѣ 2,000 руб. ежегодно, дѣтей же его, сына и дочь, изволилъ повелѣть принять въ учебныя заведенія на казенный счетъ.

Ея высочество государыня великая княгиня Александра Іосифовна милостивымъ письмомъ выразила вдовѣ О. М. Достоевскаго свое сердечное участіе въ постигшемъ ее горѣ. Ея высочество принцеса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская прислала на гробъ О. М. Достоевскаго роскошный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Студенты духовной петербургской академіи, явившись вмѣстѣ съ своимъ священникомъ о. Рождественскимъ, служили панихиду у гроба. Его Высокопреосвященство Исидора, митрополита нижегородскаго и петербургскаго вѣсть о кончинѣ О. М. Достоевскаго глубоко печалила и онъ, желая достойнымъ образомъ почтить невоцреставленнаго писателя, сдѣлалъ распоряженіе о безмездномъ отводѣ мѣста для могилы на Лаврскомъ кладбищѣ Кафедральный, исаакіевскій соборъ, съ своей стороны, принималъ участіе въ панихидахъ и погребеніи своимъ церковнымъ хоромъ.

Въ пятницу, 30 января, въ 12 часовъ дня въ петербургской университетской церкви бѣла отслужена панихида по покойному Федору Михайловичу Достоевскому. На панихидѣ присутствовали почти все профессоры и вся университетская администрація; изъ учащейся молодежи все русскіе студенты, знавшіе о панихидѣ, были на лицо. Передъ панихидой профессоромъ, богословія при университетѣ, священникомъ о. Рождественскимъ было произнесено прочувственное слово. Упомянувъ о литературныхъ заслугахъ покойнаго Федора Михайловича, о профессоръ искусно отбѣнилъ въ литературныхъ произведеніяхъ его христіанско-правственное ихъ значеніе, замѣтивъ, что такимъ характеромъ отличаются многія его произведенія, какъ, на примѣръ, послѣдній романъ и надѣлавшая столько шуму его московская рѣчь, произнесенная по поводу открытія памятника Пушкину. Не прошелъ

молчаніемъ о. профессоръ и о безкорыстно-искренней службѣ Россіи Теодора Михайловича. „Искра Божія, сказалъ профессоръ, не потухла въ его груди и во время продолжительнаго поменія имъ арестантской куртки“. „О. М. никогда не торговалъ своими убѣжденіями, изъ которыхъ многіе сдѣлали предметъ прибыльныхъ косвенныхъ доходовъ“, продолжалъ браторъ. Слово свое о. профессоръ закончилъ приглашеніемъ искренне помолиться объ упокоеніи души „болярина Теодора“. Въ 12 часамъ чтеніе лекцій почти всѣми профессорами было прекращено, а въ некоторые, какъ напримѣръ, Д. И. Менделѣевъ и вовсе не читали въ этотъ день лекцій.

Студенты московской духовной академіи прислали слѣдующую телеграмму на имя супруги О. М. Достоевскаго:

„Многоуважаемая Анна Григорьевна! Жгучею болью отозвалась въ сердцахъ нашихъ вѣсть о смерти глубоко уважаемаго нами супруга вашего! Позвольте же намъ раздѣлить съ вами великое горе свое. Прискорбно, больно видѣть намъ смерть эту, отнявшую у Россіи четвертаго труженника-печальника и доброй души человека; жалка потеря дѣятеля, который радовался радостями народа и страдалъ его страданіями, который носилъ въ сердце своемъ тяготы алчущихъ, жаждущихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, который любилъ свою родину истинною любовью! Онъ любилъ не идеализированную Русь, а Русь со всеми ея слабостями и недостатками. Будучи далекимъ отъ того, чтобы восторгаться идеальными совершенствами русской жизни и русскаго народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ былъ и отъ намѣренія бросать грязью въ эту жизнь и въ этотъ народъ. Въ самыхъ невылазныхъ болотахъ русской жизни и русскаго быта онъ старался находить драгоцѣнную жемчужину широко-доброй русской души и дѣйствительно находилъ ее. Самая даже маленькая черточка образа Божія въ человѣкѣ дорога была ему, потому что она являлась для него залогомъ лучшаго будущаго, залогомъ возможныхъ лучшихъ отношеній между людьми.

Жалка намъ потеря общаго друга, который имѣлъ столь всеобъемлющее и любвеобильное сердце, что способенъ былъ примирить съ собою самыхъ разномыслящихъ людей, что почти всѣхъ ихъ заставилъ подать ему руку! Больно и горько намъ видѣть смерть истиннаго русскаго чловѣка, который всѣхъ больше понималъ душу и сердце своего народа, и то же поэтому болѣе друщихъ способенъ былъ указывать ему его истинный идеаль. Почившій о Возѣ любимецъ нашъ, ты самъ совѣтовалъ намъ повторять всегда: упокой, Господи, всѣхъ усопшихъ! Въ этотъ день, съ великой скорбію, мы принимаемъ теперь эти слова къ тебѣ же самому! Миръ праху твоему, честный труженникъ на русской нивѣ! Да будетъ тебѣ добрый человекъ, любовь Божія на небесахъ наградою за любовь твою, къ обратямыю Христъ. Отъясненіе 31 января состоятъ въ выносы тѣла Юлія Достоевскаго изъ квартиры его въ Александровскую слободу. Къ 10 часамъ утра въ Казанской переулкѣ, въ которомъ расположена квартира покойнаго, и въ передней площадкѣ передъ Владимирской церковью были диспозитивны запряжены маёсоулюбники, съобравшейся съ участіемъ печальной процессіи. Явились представители почти всѣхъ художественно-литературныхъ и учебныхъ учреждений, и ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній. Каждое учреждение группировалось около принадлежнаго лавроватоу вѣника, посвященнаго имени покойнаго. Процессія двинулась въ только въ началѣ двѣнадцатого часа и въ шесть часовъ окончилась въ кортежѣ, заняла огромное пространство. По приблизительному вычисленію, на этихъ торжественныхъ похоронахъ присутствовало никакъ не менѣе 30,000 чловѣкъ. Ничего подобнаго Петербургъ никогда не видѣлъ. Это было величественное и потрясающее своей печальной торжественностью, зрѣлище! Чувствовалось въ всемъ сердцѣмъ, что общество хоронитъ своего роднаго дорогаго поэта; и чувствовалось, что это общество — могущественная сила, у которой есть въ своей осмысленной идеаль и стремленія. И туманное — небо, и склонявшееся надъ этой невиданной нами, доисторическаго величественной, сартиной, и огла-

шалось торжественными звуками нѣсколькихъ громадныхъ хоровъ, пѣвшихъ вѣчную память поэту-страдальцу. Пережитыя нами въ этотъ день минуты высокого поднятія духа общественности, говоритъ репортеръ „Новостей“, — незабвенны!

Торжественное шествіе до лавры продолжалось почти три часа. Только въ четвертомъ часу процессія достигла воротъ лавры, въ которыхъ были впущены только лица, несшія вѣнки. Группы съ этими вѣнками размѣстились внутри двора лавры шпалерами, сквозь которыя былъ пронесенъ гробъ. Потомъ, въ церкви была отслужена панихида и все вѣнки размѣщены были вокругъ гроба.

1 февраля происходили похороны Федора Михайловича Достоевскаго. Народу собралось не менѣе, чѣмъ сколько было при выносѣ тѣла въ Александро-Невскую лавру. Несмотря на то, что въ церковь впускали только по билетамъ, дворъ монастыря былъ полонъ еще задолго до начала службы. Служилъ преосвященный Несторъ, епископъ выборгскій, бывший викарій Донской епархіи.

Отъ царскихъ воротъ до церковной двери протянулись два ряда вѣнковъ, и между ними оставался свободный проходъ къ великолѣпному балдахину, подъ которымъ стоялъ гробъ, также весь обложенный вѣнками. Въ этомъ проходѣ помѣщались родственники покойнаго, многіе представители литературы и высокопоставленныя лица, между которыми находились: министръ народнаго просвѣщенія, А. А. Сабуровъ, и оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ.

По окончаніи литургіи, преосвященный Несторъ вышелъ на середину церкви передъ гробомъ для совершенія отпѣванія. Съ нимъ вышли по ректоръ с.-петербургской духовной академіи Янышевъ, наместникъ лавры архимандритъ Симеонъ, два одередные архимандрита и за ними пять протоіереевъ стали по правую сторону гроба, пять іеромонаховъ по лѣвую. Архидіаконъ провозгласилъ: благослови Владыко и — тихіе, полные скорби и умиленія звуки панихиднаго пѣнія полились тихой волной, исторгая слезы

изъ глазъ молящихся. Въ это время вѣнки стали выносить изъ церкви, часть ихъ окружила могилу Ф. М. Достоевскаго, часть стала шпалерами по направленію къ кладбищу. Между тѣмъ въ церкви, по окончаніи чтенія евангелія, о. протоіерей І. Янышевъ обратился къ молящимся съ проповѣдью. Звучный голосъ, теплое чувство, которое слышалось въ каждомъ звукѣ проповѣди и краснорѣчіе проповѣдника произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Смыслъ проповѣди приблизительно былъ таковъ. О. протоіерей обратилъ вниманіе на торжественность обстановки, на то, что здѣсь вокругъ гроба одного человѣка соединились всѣ ученые, литераторы, учащіеся, всѣ русскіе люди. Здѣсь на глазахъ у насъ снова подтверждаются слова божественнаго учителя Христа: „блаженни кротціи, яко тии наследуютъ землю, блаженни чистые сердцемъ, яко тии Бога узрятъ, блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное“.

Вся дѣятельность покойнаго многострадальнаго, многострадальнаго писателя заключалась въ отысканіи свѣтлыхъ чертъ въ самой низкой душѣ. Онъ рылся въ грязи для того, чтобы отыскать и тамъ чистое и высокое. Стоитъ только припомнить заглавія его произведеній, чтобы видѣть, кого изображалъ нашъ великій писатель, о комъ болѣло его сердце, кому онъ сочувствовалъ: это были: „Бѣдные люди“, „Униженные и оскорбленные“, „Мертвый домъ“, „Идіотъ“. Онъ обращалъ на нихъ наше вниманіе, онъ глубоко заглядывалъ въ душу человѣка; онъ своими произведеніями продолжалъ намъ нагорную проповѣдь Христа и мы какъ бы слышали: „Блаженни нищие духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное, блаженни плачущіе, яко тии утѣшатся, блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тии насытятся, блаженни егда возненавидятъ васъ человѣцы.“ Всю жизнь свою покойный искалъ истины и правды. Затѣмъ проповѣдникъ очертилъ его личность какъ высшаго христіанина, полагавшаго хранилище истины въ православной вѣрѣ, полагавшаго хранилище добрыхъ началъ въ душѣ русскаго человѣка. Дадимъ теперь ему, какъ

многолюбившему, послѣдній поцѣлуй нашей любви.

Послѣ рѣчи и краткаго молитвословія, литераторы и друзья покойнаго подняли гробъ и понесли его въ предствіи епископа съ духовенствомъ на кладбище. Передъ гробомъ несли нѣсколько малыхъ вѣнковъ, за гробомъ слѣдовало семейство покойнаго и литераторы. По мѣрѣ того, какъ пронесли гробъ между шпалерами изъ вѣнковъ, державшіе вѣнки тихо склоняли ихъ надъ гробомъ. Это была умиленная картина! Когда стали опускать гробъ въ могилу, маленькая дочка Достоевскаго тронула вѣхъ своимъ простымъ, глубоко-сердечнымъ крикомъ: „прости, милый, добрый, хероній, папа, прости“. Всѣ стоявшіе въ оградѣ, шли вмѣстѣ съ пѣвчими: „Со святыми упокой“. Часть вѣнковъ была оборвана и гробъ весь былъ засыпанъ зеленью и цвѣтами и затѣмъ могилу засыпали землей. Начали говорить рѣчи и читать стихи. Первымъ говорилъ нашъ маститый историкъ, Бестужевъ-Рюминъ, вкратцѣ охарактеризовавшій обширную плодотворную дѣятельность покойнаго. Послѣ него къ могилѣ приблизился профессоръ В. С. Соловьевъ и въ прочувствованной рѣчи изложилъ сущность теорій и воззрѣній Ѳ. М. Достоевскаго. Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ сказалъ у могилы Ѳед. Мих. слѣдующія слова: „то, что происходило на этихъ дняхъ, есть великое торжество чело-вѣческаго духа. Вдохновеннымъ великимъ его исповѣдникомъ былъ покойный. Дѣло внутренняго самосовершенствованія, какъ первая основа усовершенствованія строя общественнаго—вотъ что онъ намъ проповѣдывалъ. Материализмъ и общественное служеніе несовмѣстимы—вотъ его исповѣданіе. Пребудемъ же все ему вѣрны“. Много произнесено было и другихъ стихотвореній и рѣчей надъ могилой великаго поэта, во время которыхъ среди публики слышались громкія рыданія.

Такъ совершилось послѣднее прощанье съ бранными останками незабвеннаго для русской земли поэта Ѳедора Михайловича Достоевскаго. Долго еще, до самой вечерни, толпился у могилы народъ; многие уносили на память цвѣты изъ вѣнковъ или старались добыть хотя просто зеленую вѣточку.

Приведемъ, въ заключеніе, слѣдующее глубокопрочувствованное стихотвореніе, напечатанное въ „Новомъ Времени“ „на смерть Достоевскаго“:

На вечерѣ шумномъ (*), обвитый цвѣтами,

Передъ нами портретъ твой стоялъ,

О томъ, что въ тебѣ мы навѣкъ потеряли,

Забуть онъ на мигъ не давалъ.

На кроткомъ лицѣ отпечаталось ясно

Не мало глубокихъ слѣдовъ

Того, что продумано горько и страстно,

И ссылки тяжелыхъ годовъ.

Тебя легкомысленно мистикомъ звали,

Толпѣ непонятенъ ты былъ,

Огуломъ тебя въ ханжествѣ обвиняли,

Смѣялся ничтожный зомль.

Теперь же все смолкло предъ этимъ портретомъ,

Толпа социальныя полна

И вмѣстѣ съ любимымъ, погибшимъ, поэтномъ

Тебя вспоминаетъ она.

А тѣ, что тебя и при жизни любили—

Ихъ скорбь безконечно сильнѣй...

И тутъ же, на жаркихъ слѣдахъ порѣшили

Воздвигнуть тебѣ мавзолей...

О да, мы должны обозначить могилу

Того, кто въ насъ душу будилъ,

Того, кто души благодатную силу

Въ могучее слово вложилъ,

Кто сердце людское глубоко извѣдалъ,

Любовь и прощенье намъ всемъ проповѣдалъ

Святыми устами Христа,

Кто выше стоитъ клеветы, порицанья:

Душа, перенесшая столько страданья,

Предъ міромъ свѣтла и чиста.

Но кончилось горе, минули невзгоды,

На вѣкъ онъ спокоенъ теперь.

О, русскіе люди! въ послѣдніе годы

(*) На литературномъ вечерѣ въ честь Пушкина, въ которомъ хотѣлъ принять участіе и Достоевскій.

Вамъ выпало много потерь...

Смотрите—не первый изъ тѣхъ умираеть,

Которыхъ вамъ жизнь дорога — :

Знать правда: несчастные друга теряють,

Счастливы хоронить врага...

Въ Новочеркасѣ, въ воскресенье 8 февраля, послѣ литургіи, въ кафедральномъ соборѣ, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Митрофаномъ, архіепископомъ Донскимъ была отслужена панихида по Ф. М. Достоевскомъ, на которой присутствовали воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній г. Новочеркасска, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Предъ панихидою протоіерей о. Іоакимъ Фесенковъ произнесъ высоко-назидательное слово, въ которомъ очертилъ характеръ покойнаго Федора Михайловича какъ чело-вѣка и христіанина и выяснилъ значеніе его, какъ литератора, стяжавшаго себѣ своимъ направленіемъ то необыкновенное сочувствіе, которое оказывала ему не только послѣ смерти, но и прежде, вся просвѣщенная Россія...

Мы увѣрены, что всѣ пастыри церкви вознесутъ свои молитвы къ престолу Всевышняго о упокоеніи души новопре-ставленнаго раба Божія Федора, много въ жизни своей пострадавшаго, но и въ страданіяхъ своихъ непрестанно горѣвшаго огнемъ любви Христовой къ бѣдствующему чело-вѣчеству.

Церковно-религіозные предметы, затрогиваемые въ романѣ

Ф. М. Достоевскаго: „Братья Карамазовы (*).“

(Ч. II).

Во второй части названнаго романа съ религіозно-нравствен-ной точки зрѣнія прежде всего заслуживаетъ упоминанія I-я гла-ва IV книги, носящая заглавіе: „отецъ Фераонъ“ (Р. В. 1879 г., IV, стр. 678—685). Въ началѣ ея достопочтенный авторъ изображаетъ на примѣрѣ старца Зосимы христіанское приготовленіе къ смерти, а затѣмъ онъ рисуетъ, въ противопо-

(*) См. Д. Е. Вѣд. за 1880 г. № 8, 16 и 17.